

ЭЛИЗАБЕТ ФОН

АРНИМ

Чарующий апрель
Сад Элизабет

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
А84

Серия «Зарубежная классика»

Elizabeth von Arnim
THE ENCHANTED APRIL
ELIZABETH AND HER GERMAN GARDEN

Перевод с английского *Т. Осиной*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Л.-Т. Турпена де Криссе «Вид из Рокбрюна».*

Арним, Элизабет фон.
А84 Чарующий апрель; Сад Элизабет : [сборник] / Элизабет фон Арним; [перевод с английского Т. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-150459-5

Куда бежать от проблем, плохой погоды, скуки и скверного настроения?

Разумеется, в солнечную Италию, к ее лазурному морю, дивным цветам, золотым апельсинам и безоблачному небу!

Так и собирается в замке Сан-Сальваторе, неподалеку от Генуи, эксцентричная компания из помешанной на экономии и бесконечной преданности мужу Лотти, одержимой благотворительностью и религией жены модного писателя Роуз, задыхающейся от навязчивого мужского внимания красавицы Кэралайн и неправдоподобно богатой, высокомерной и скупой вдовы миссис Фишер.

Что обещает столь интересный состав дам, внезапно оказавшихся на одной территории? Юмор, юмор и еще раз юмор!..

В этот сборник также вошло дебютное произведение Арним — повесть «Сад Элизабет».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Чарующий апрель

Глава 1

Эта история началась ненастным февральским днем в одном из не самых лучших лондонских дамских клубов. Приехавшая за покупками из Хемпстеда миссис Уилкинс зашла в клуб на ленч, в курительной комнате взяла со стола свежий номер газеты «Таймс» и в колонке объявлений равнодушно прочитала короткую заметку следующего содержания:

«Тем, кто ценит цветущую глицинию и южное солнце: на апрель в Италии, на берегу Средиземного моря сдается в аренду небольшой средневековый замок, меблированный. Прислуга имеется. Обращаться: Z, ящик 1000, «Таймс».

Предложение оказалось судьбоносным, однако, как это нередко случается, важность момента раскрылась не сразу.

Поначалу миссис Уилкинс до такой степени не осознала, что грядущий апрель уже предрешен, что небрежным и в то же время раздраженным жестом отбросила газету, подошла к окну и уныло посмотрела в серую дождливую мглу.

Средневековые замки — даже подчеркнуто описанные как маленькие — предназначались не ей. Точно так же не ей предназначались Италия, берег Средиземного моря, цветущая глициния и щедрое солнце. Подобные радости доступны только богатым. И все же если объявление обращалось к тем, кто умеет ценить красоту южной природы, значит, и к ней тоже, поскольку она умела ценить красоту, как никто другой, — больше, чем сама себе могла признать. К сожалению, миссис Уилкинс была бедна как церков-

ная мышь: все ее личное состояние насчитывало девяносто фунтов, накопленных годами из выделявшихся на одежду денег. Эту сумму миссис Уилкинс собрала по совету мужа, чтобы иметь хотя бы небольшой запас на черный день. Средства на туалеты выделял отец — по сто фунтов в год. Прижимистый супруг называл ее наряды никаким словечком «милые». Знакомые, когда речь заходила о ней (что случалось весьма редко, ибо миссис Уилкинс не пользовалась особым вниманием), неизменно отмечали безупречность вкуса.

Мистер Уилкинс поощрял ее бережливость только до тех пор, пока она не распространялась на количество и качество его пищи. Если же такое случалось, он говорил не об экономии, а о неумелом ведении хозяйства. И все же ту скарედность, которая, словно моль, проникала в гардероб миссис Уилкинс, супруг горячо одобрял и, бывало, рассуждал: «Никогда не знаешь, что принесет завтрашний день. И тогда небольшие запасы очень выручат, причем нас обоих».

Глядя в окно на Шафтсбери-авеню — клуб относился к числу недорогих, но отличался удобством расположения между Хемпстедом, где миссис Уилкинс жила, и гастрономом Шулбрета, где совершала покупки, — она некоторое время стояла в глубокой печали. Воображение живо рисовало цветущую глицинию, берег Средиземного моря, прочие доступные богачам сокровища, в то время как перед глазами нескончаемо поливал спешившие по улице зонты и рассекавшие лужи омнибусы мерзкий, холодный, темный от копоты дождь. Внезапно в голову пришла мысль: уж не к этому ли дождливому дню без устали призывал готовиться Меллерш (то есть мистер Уилкинс)? Не для того ли Провидение позволило накопить девяносто фунтов, чтобы сбежать от безжалостного английского климата в теплую Италию, в сказочный средневековый замок? Разумеется, вовсе не обязательно тратить всю сумму, можно обойтись частью сбережений, причем совсем небольшой. Средневековое строение, скорее всего, пребывает не в лучшем виде, а развалины, как правило, сдают дешевле. Она ничуть

не возражает против умеренной доли ветхости: главное — что за это не приходится платить. Напротив, владельцы сами снижают цены, причем значительно...

Миссис Уилкинс отвернулась от окна с не менее раздраженным видом, чем тот, с каким только что бросила газету, и направилась к двери с намерением взять плащ и зонт, втиснуться в один из переполненных омнибусов и, прежде чем отправиться домой, по дороге зайти в магазин Шулбреда и купить Меллершу на обед палтуса. Дело в том, что Меллерш весьма избирательно относился к рыбе и, помимо лосося, ел только палтуса. Планы ее нарушила сидевшая в центре комнаты, возле стола с газетами и журналами, миссис Арбутнот — скромная особа, с которой они были только знакомы, хотя она тоже жила в Хемпстеде и посещала тот же недорогой клуб. Миссис Арбутнот как раз внимательно изучала первую страницу газеты «Таймс».

Миссис Уилкинс еще ни разу не доводилось беседовать с этой дамой, поскольку она входила в одно из многочисленных церковных сообществ и занималась переписью, классификацией, регистрацией неимущих и анализом их жизни, в то время как они с Меллершем, когда выходили в свет, посещали музеи и картинные галереи, выставки художников-импрессионистов, благо те выбрали Хемпстед в качестве ареала обитания. Больше того, сестра Меллерша даже вышла замуж за одного из молодых гениев и поселилась в модном районе Хемпстед-Хит. В результате столь экстравагантного союза миссис Уилкинс очутилась в совершенно чуждом ее натуре круге общения и втайне возненавидела живопись. Приходилось что-то о ней говорить, а что сказать, она не знала, поэтому ограничивалась каким-нибудь избитым словом вроде «великолепно», «гениально», «талантливо», хотя чувствовала их пустоту. Впрочем, никто не возражал, потому что никто ее не слушал, никому не было дела до жены мистера Уилкинса. Такие, как она, в обществе остаются незаметными, и дело не только в уставевших от чрезмерной бережливости нарядах. Лицо ее также не привлекало и не задерживало взгляд, слова не вызывали интереса. К тому же миссис Уилкинс отличалась крайней

застенчивостью, которая проистекала из вышеизложенных причин. Сознывая собственные недостатки, она думала, что же в таком случае остается человеку.

Она везде появлялась вместе с мистером Уилкинсом — весьма привлекательным, презентабельным джентльменом, одним своим присутствием придававшим значительность любому обществу. Мистер Уилкинс пользовался глубоким уважением. Знающие люди утверждали, что старшие партнеры его ценят, окружение сестры им восхищалось. Об искусстве и художниках он рассуждал умно и со знанием дела, говорил лаконично и сдержанно, никогда не произносил лишних слов, но в то же время всегда изъяснялся достаточно полно. Мистер Уилкинс производил впечатление человека, оставляющего себе копии всего сказанного, и казался настолько надежным, что нередко впервые встретившие его на вечеринке новые знакомые внезапно разочаровывались в своих поверенных и после краткого периода беспокойства переходили под его опеку.

Неудивительно, что в таких условиях миссис Уилкинс оставалась вне общества. «Она должна сидеть дома», — однажды с видом третейского судьи заявила золовка, однако сам мистер Уилкинс не мог с ней согласиться. Он работал семейным юристом, а все таковые обязаны были не только иметь жен, но и регулярно демонстрировать их клиентам, в том числе и потенциальным, поэтому в будние дни он водил супругу на вечеринки, а по воскресеньям — в церковь. Будучи еще довольно молодым человеком — ему не исполнилось и сорока, — мистер Уилкинс тем не менее стремился привлечь в клиентуру как можно больше пожилых леди, а потому не мог позволить себе пренебречь церковной службой. Именно в церкви миссис Уилкинс и познакомилась с миссис Арбутнот.

Нельзя было не заметить, как умело дама руководила детьми из бедных семейств: ровно за пять минут до начала службы приводила подопечных из воскресной школы и аккуратно рассаживала мальчиков и девочек по отведенным для них местам, затем призывала опуститься на колени для предварительной молитвы и снова подняться как раз

в тот момент, когда под первые торжественные звуки органа двери ризницы распахивались и появлялись священнослужители в сопровождении хора, чтобы петь литанию и читать заповеди. Несмотря на грустное выражение лица, действовала миссис Арбутнот уверенно. Такие способности неизменно приводили миссис Уилкинс в недоумение, поскольку еще в те дни, когда они с мужем могли позволить себе только камбалу, Меллерш не уставал повторять, что, если человек работает хорошо, у него нет поводов для печали: хорошая работа автоматически придает характеру жизнерадостность и энергию.

В церкви миссис Арбутнот вовсе не выглядела ни жизнерадостной, ни энергичной, хотя с детьми из воскресной школы обращалась мастерски, с почти механической точностью. Но когда в курительной комнате клуба миссис Уилкинс отвернулась от окна и увидела миссис Арбутнот, та была далека от механически точных действий, скорее напротив: крепко схватив газету двумя руками, не мигая смотрела в какую-то точку на первой странице «Таймс». При этом лицо ее, как обычно, напоминало лик разочарованной, но терпеливой Мадонны.

Миссис Уилкинс с минуту наблюдала за миссис Арбутнот, пытаясь набраться храбрости, чтобы спросить, обратила ли она внимание на объявление об аренде замка. Она даже не создавала, что хочет это узнать, но спросить хотела, да и глупо не заговорить с леди, которая выглядит такой доброй и такой несчастной. Почему бы двум несчастным женщинам не поддержать друг друга на трудном жизненном пути, перекинувшись несколькими фразами? Не поговорить о чувствах, о том, что нравится или не нравится, и о том, на что они все еще могут надеяться? К тому же, скорее всего, в эту минуту миссис Арбутнот читала то самое объявление о небольшом средневековом замке, поскольку взгляд ее застыл в нужной части страницы. Вдруг она тоже представляет волшебную картину: яркие краски, экзотические ароматы, солнечный свет, мягкое море — вместо Шафтсбери-авеню, сырых омнибусов, рыбного отдела гастронома Шулбрета, возвращения в Хемпстед и приго-

товления обеда. А завтра все то же самое, и послезавтра, и всегда... День за днем без изменений...

Неожиданно для самой себя миссис Уилкинс присела к столу и услышала собственный голос.

— Читаете о средневековом замке и глициниях?

Миссис Арбутнот, естественно, удивилась, однако значительно меньше, чем сама миссис Уилкинс своему вопросу.

Миссис Арбутнот еще не успела рассмотреть сидевшую напротив худую невзрачную даму с веснушчатым личиком и почти скрытыми обвисшей мокрой шляпой большими серыми глазами, а потому на пару мгновений воцарилась тишина. Да, она читала о средневековом замке и глицинии, то есть прочитала десять минут назад, а теперь мечтала о теплом солнышке, ярких красках, восхитительных ароматах, тихом плеске волн среди горячих скал...

— А почему вы спросили? — проговорила она наконец совершенно серьезно: работа с бедняками сделала ее вдумчивой и терпеливой.

Миссис Уилкинс, явно смутившись, покраснела и пролепетала испуганно:

— О, всего лишь потому, что тоже прочитала объявление, вот и подумала, что, может быть... подумала...

Тем временем привыкшая с первого взгляда распределять людей по спискам и графам, миссис Арбутнот, приставившись к собеседнице повнимательнее, пыталась решить, к какому разряду ее было бы уместно отнести.

— Я вас частенько здесь вижу, — проговорила миссис Уилкинс. Подобно всем стеснительным людям, начав говорить, она уже не могла остановиться, все больше и больше пугаясь звука собственного голоса и произнесенных слов. — По воскресеньям... каждое воскресенье... в церкви.

— В церкви? — эхом повторила миссис Арбутнот.

— Так удивительно — объявление о глицинии и... — Похоже, миссис Уилкинс окончательно смутилась и, словно растерянная школьница, поерзав на стуле, продолжила: — Да, так удивительно, а погода такая плохая...

Она умолкла и посмотрела на собеседницу глазами побитой собаки.

Миссис Арбутнот, которая посвятила свою жизнь помощи нуждающимся и наставлению страждущих, сразу поняла, что этой бедняжке нужен совет, и приготовилась исполнить долг.

— Если регулярно видите меня в церкви, — проговорила она добрым участливым голосом, — то, должно быть, тоже живете в Хемпстеде?

— Да, — подтвердила миссис Уилкинс и, слегка склонив голову на длинной тонкой шее, как будто воспоминание о Хемпстеде послужило тяжким грузом, повторила: — Да, конечно.

— А где именно? — уточнила миссис Арбутнот: прежде чем давать советы, необходимо собрать кое-какие сведения.

Миссис Уилкинс ей не ответила, лишь тихо проговорила:

— Наверное, поэтому замок и кажется таким чудесным.

— Это предложение удивительно само по себе, — забыв о необходимости собрать сведения о собеседнице и едва слышно вздохнув, возразила миссис Арбутнот.

— Значит, прочитали?

— Да, — кивнула миссис Арбутнот с мечтательным выражением в глазах.

— Правда, было бы восхитительно? — с надеждой в голосе пробормотала миссис Уилкинс.

— Восхитительно, — согласилась миссис Арбутнот, и ее просветлевшее на миг лицо погасло и приобрело свое привычное выражение. — Просто чудесно, только все это несбыточные мечты, на которые не стоит тратить время.

— Напротив: очень даже стоит, — удивительно быстро возразила миссис Уилкинс, и такой энтузиазм совсем не гармонировал с ее внешностью: безликим жакетом, бесформенной юбкой, мокрой шляпой с обвисшими полями, неаккуратной тусклой прядью, выбившейся из прически. — Такие мысли хороши сами по себе: помогают забыть о Хемпстеде. Иногда думаю... точнее, почти уверена, что если очень чего-то захотеть, то это можно получить.

Миссис Арбутнот опять доброжелательно посмотрела на бедняжку и спросила себя, в какую все же категорию

следует ее поместить, а потом предложила, слегка наклонившись к собеседнице:

— Может быть, назовете свое имя? Если мы теперь подруги, то хотелось бы побольше узнать друг о друге.

— Да, конечно, очень мило с вашей стороны. Меня зовут миссис Уилкинс. Не думаю, впрочем, что моя фамилия вам что-нибудь скажет. Порой... она мне самой ничего не говорит. И все же меня зовут именно так.

Фамилия ей действительно не нравилась: жалкая, коротенькая, со смешным, похожим на задранный хвост мопса, завитком в конце, но уж какая есть. Ничего не поделаешь: Уилкинс так Уилкинс. Ее муж, правда, хотел, чтобы она всегда и везде называла себя «миссис Меллерш Уилкинс», но она выполняла его пожелание лишь в тех случаях, когда он мог услышать, потому что считала, что так еще хуже. Это составляющая фамилии придавала ей какое-то особое значение — точно так же, как название «Чатсуорт-хаус»* на воротах поместья придает особое значение особняку.

Когда муж впервые предложил ей называть себя «Меллерш», она возразила и привела именно этот довод. После паузы — Меллерш был слишком хорошо воспитан, чтобы говорить, не выдержав паузу, во время которой, очевидно, мысленно репетировал грядущее высказывание, — он крайне недовольно заметил:

— Но ведь я не особняк.

И посмотрел на нее так, как смотрит мужчина, в сотый раз пытаясь убедить себя, что женился не на безнадёжной дурочке.

Миссис Уилкинс заверила супруга, что он, конечно же, не особняк, она никогда так не считала, даже не задумалась о смысле... просто сравнила...

Чем дольше она оправдывалась, тем призрачнее становилась надежда Меллерша, что попытки его увенчаются успехом. Последовала продолжительная ссора, если можно

* Ч а т с у о р т - х а у с — один из красивейших замков Англии, принадлежащий очень богатой и влиятельной семье Кавендишей, герцогов Девонширских. — *Примеч. ред.*

так назвать гордое молчание с одной стороны и сбивчивые, но искренние извинения и объяснения с другой относительно того, предполагала ли миссис Уилкинс, что мистер Уилкинс представляет собой особняк.

Наверное, подумала она, когда примирение наконец состоялось, хотя и очень не скоро, все супруги ссорятся из-за ерунды, если два года подряд не расстаются даже на день. Им обоим была необходима передышка.

— Мой муж — юрист, — продолжила миссис Уилкинс, обращаясь к миссис Арбутнот и пытаясь доходчиво объяснить собственное положение, а потом на миг задумалась, подбирая самую яркую и точную характеристику. — Он очень красив.

— О, должно быть, это доставляет вам огромное удовольствие, — снисходительно заметила миссис Арбутнот.

— Почему? — спросила миссис Уилкинс.

Столь прямолинейный вопрос несколько ошеломил миссис Арбутнот.

— Потому что это особый дар, как и любой другой, и если его правильно использовать...

Она замолчала, так и не закончив фразу. Миссис Уилкинс так внимательно посмотрела на нее своими большими серыми глазами, что миссис Арбутнот внезапно подумала: так недолго и приобрести устойчивую привычку произносить наподобие сиделки монологи, когда ее подопечный только слушает и не может ни возразить, ни перебить, потому что, по сути, полностью от нее зависит.

Только вот миссис Уилкинс не слушала. В этот самый миг, как бы абсурдно это ни казалось, в сознании ее явственно возникла картина: под свисающими с веток неизвестного дерева длинными цветущими плетями глицинии сидят две дамы — сама миссис Уилкинс и миссис Арбутнот, она ясно это видела, а чуть дальше в лучах яркого солнца возвышаются старинные серые стены средневекового замка. Да, они там. Стены она тоже видела...

Из-за этих видений миссис Уилкинс хоть и смотрела на миссис Арбутнот, но не слышала ни единого слова. А миссис Арбутнот в свою очередь смотрела на собеседницу